

Ю.Н. Гаркуша

(Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)

**Пазырыкская культура
(проблема термина в историографическом аспекте)**

История археологического изучения памятников Горного Алтая, которые исследователи объединяют в так называемую пазырыкскую культуру, насчитывает уже почти полтора века. Раскопки 1865 г., когда В.В.Радловым были исследованы территориально удаленные друг от друга курганы с мерзлотой Берель и Катанда позволили последующим исследователям надеяться на новые открытия подобных объектов и в других районах Горного Алтая. Поиск и исследования таких объектов стали одной из целей Алтайской экспедиции под руководством С.И. Руденко, которая начала свои работы на Алтае в 1924 г. (Грязнов, 1928, с. 217). Раскопанные за последующие пять лет курганы Шибе и Пазырык, а вместе с ними Берель и Катанда авторами раскопок были отнесены к скифской эпохе (Грязнов, 1929, с. 979). Особо был подчеркнут местный «туземный» характер культуры (там же, с. 976). Таким образом, даже предварительное осмысление открытия курганов с мерзлотой поставило на повестку дня вопрос о выделении для Горного Алтая «цельной выпавшей из памяти человечества новой культуры», и относящейся к скифской эпохе, что и было так образно отмечено академиком Н.Я. Марром (Марр, 1929, с. 324).

С конца 30-х и до начала 50-х гг. основная дискуссия развернулась вокруг культурно-хронологической атрибуции памятников Алтая, относимых к скифской эпохе, рамки которой определялись VII-I вв. до н. э. Многие проблемы, затронутые в то время, не получили однозначного разрешения и в наши дни (подробный обзор проблематики см. например: Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 12-30; Кирюшин, Тишкин, 1999). Проблемы, связанные с выделением собственно археологических культур и комплексов, присущих этим культурам, не получили должного развития. Следствием явилось ввод в научный лексикон ряда терминов, часто дублирующих друг друга. В своих работах С.И. Руденко, рассматривая материалы Больших алтайских курганов, не предложил культурного единого определения для изучаемой группы памятников. Исследователь использовал различные словосочетания, характеризующие, по сути, один культурный комплекс. В своей статье, вышедшей в 1944 г., С.И. Руденко, опираясь на представления о культурном единстве в пространстве культур скифского времени, но не исключая наличия локальных вариантов, оперирует понятием «культура алтайских скифов» (Руденко, 1944, с. 275). В другой работе речь идет о «культуре Алтая времени сооружения Пазырыкских курганов» (Руденко, 1949, с. 97), а выше можно встретить упоминания о «культуре населения Алтая, оставившего после себя курганы с каменной наброской» (там же); в ряде случаев исследователь использует термин «культура Горного Алтая в скифское время» (Руденко, 1951, с. 114). Строго говоря, все употребляемые С.И. Руденко термины не являлись тождественными и могли характеризовать явления разного уровня.

Ситуация, связанная с отсутствием общепринятого наименования культуры существовала до начала 80-х гг. В работах разных исследователей можно встретить различные определения комплекса памятников VI-II вв. до н. э.: «культура горноалтайских племен времени Пазырыкских курганов» (Евтюхова, 1954, с. 148), «курганы пазырыкского типа» (Грач, 1967, с. 225; Черников, 1975, с. 283), «культура пазырыкского типа» (Сорокин, 1969, с. 225), «культура племен пазырыкского типа» (Савинов, 1975, с. 50), «культура ранних кочевников Алтая типа пазырыкских курганов» (Баркова, 1980, с. 57). Некоторые исследователи избегали давать четкую культурно-хронологическую идентификацию, ограничиваясь общими определениями типа «время ранних кочевников Алтая» (Погожева, 1978, с. 70, 73).

Вероятнее всего, первое упоминание о «пазырыкской культуре» можно связать с именем В.Н. Чернецова, в его рецензии на монографию С.И. Руденко «Культура населения Горного

Алтая в скифское время» (Чернецов, 1954, с. 186). В последующем, понятие «пазырыкская культура» эпизодически возникало в исследованиях разных ученых (см., например: Тошак ова, 1971, с. 150; Кубарев, 1972, с. 54), но так и не получило какого-либо обоснования.

А.Д. Грач, отождествляя курганы пазырыкского типа с пазырыкской культурой, выделял два основных ее варианта: алтайский (Алтай, Тува, Восточный Казахстан) и центральноазиатский (или тувинский) (Грач, 1967, с. 225-226). Однако, А.Д. Грач первым и обосновал право на использование данного термина, предложив назвать так культуру «по наиболее ярким ее памятникам в Пазырыке» (Грач, 1968, с. 228).

С начала 80-х гг. термин «пазырыкская культура» постепенно входит в широкий научный оборот, вытесняя другие понятия. Тем не менее, положение вещей, когда процедура выделения и наименования культуры не получила должного обоснования, не способствовало росту интерпретационных возможностей археологического материала. Фактически пазырыкская культура существовала априори, когда на базе постоянно растущего числа исследованных памятников был поставлен вопрос о выделении новой для Горного Алтая культуры, синхронной с пазырыкской – кара-кобинской (Суразаков, 1983). Последовательно в своих работах оперирует данным понятием А.С. Суразаков, но в своих работах он не всегда четко разграничивал собственно культуру и пазырыкский этап культуры ранних кочевников Алтая (предложенный, но так и не обоснованный М.П.Грязновым). В одной из первых своих работ он кратко изложил основные признаки погребальных сооружений отождествляемых с пазырыкской культурой (Суразаков, 1980а). Позднее, в обобщающей работе, опубликованной в 1988 г., исследователь более полно охарактеризовал комплекс признаков, относящихся, по его мнению, к собственно пазырыкской культуре (1988, с. 118-124).

Естественно, что сложившаяся ситуация не могла не привлечь внимание исследователей. П.И. Шульга указал на отсутствие общепринятого определения памятников VI-II вв. до н. э., и отметил, что ни хронологические рамки, ни содержание, получающего все большее распространение понятия «пазырыкская археологическая культура» тоже конкретно не рассматривались (Шульга, 1986, с. 20). В этой же работе он привел основания для существования единой пазырыкской культуры для скотоводческой зоны Горного Алтая, включающей в себя несколько типов погребений (Шульга, 1986, с. 21 – 23). Исследователь неоднократно возвращался к этой проблеме и в последующих своих работах (Шульга, 1997, с. 341). В настоящее время, по его мнению, можно наблюдать тенденцию, когда отсутствие «развернутого определения этого сложного этнокультурного образования ведет к отказу ряда исследователей от употребления понятия «пазырыкская культура», замене его хронологическим или территориальным определением – памятники «скифского времени Горного Алтая», «пазырыкского времени» и т. д.» (Шульга, 1998, с. 702). В качестве иллюстрации такого подхода, следует указать на позицию редколлегии тома «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время», где было предложено отказаться от какого-либо содержательного определения этапов единой культуры ранних кочевников Алтая (Грязнов, 1992, с. 164). Сложившаяся ситуация приводит к серьезным противоречиям, возникающим при интерпретации накопленного материала. Так, в работах В.Д.Кубарева и Н.В.Полосьмак, вышедших в один год, можно встретить диаметрально противоположные утверждения о степени изученности культуры: «до сих пор не определены ... этническая принадлежность, географические и хронологические границы самой известной на Алтае пазырыкской культуры» (Кубарев, 1997, с. 1); «к настоящему времени определены хронологические и территориальные рамки пазырыкской культуры» (Полосьмак, 1997, с. 3).

Действительно, признавая неоднозначность сложившейся ситуации, все же отметим, историография этой проблемы, не носила характера острого «терминологического» противостояния, как, например, проблема культурно-хронологической атрибуции памятников Тувы I тыс. до н. э. (см. например: Мандельштам, 1992, с. 178 – 179).

В заключении отметим, что сложившаяся ситуация отражает, скажем так, «стадиальное» явление, характеризующее современное состояние изучения скифской эпохи Алтая в целом, что мы можем наблюдать на примере исследования раннего ее периода (Кирюшин, Тишкин, 1999, с. 73 – 74).

Таким образом, историография этого, носящего частный характер, сюжета позволяет констатировать отсутствие единого подхода в изучении пазырыкской культуры и оценить существующий уровень интерпретаций накопленного материала, как достаточно сложный и противоречивый.